Стаття надійшла до редакції 03.09.2019

Перевірено на плагіат 11.09.2019 р.

унікальність – 99,38 %

<https://doi.org/10.17721/StudLing2019.15.66-83>

УДК811.161.2

МОВНА ПОЛІТИКА РЕЙХСКОМІСАРІАТУ УКРАЇНА

Андрій Віталійович Зінкевич (м. Відень, Австрія)

andrej.zinkevich@univie.ac.at

канд. філол. наук, доцент

Віденський університет, Інститут славістики

У статті розглядаються деякі питання мовної політики в Рейхскомісаріаті Україна (1941-1944 рр.) В світлі конкуренції різних концепцій керівництва Третього Рейху щодо окупованих східних територій. У зв'язку з цим, поряд з проблемою ставлення нової влади до української мови, порушується питання введення латинського шрифту в Україні та викладання німецької мови для місцевого населення. Проведена в Рейхскомісаріаті мовна політика вперше являє собою результат внутрішньої боротьби основних сил окупаційної адміністрації: міністерства зі східних окупованих територій, Рейхскомісаріату Україна, вермахту (в зоні своєї відповідальності України) і філій промислово-транспортних структур Рейху, які працюють в Україні. Законодавча основа мовної політики в Україні так і не була офіційно прийнята до кінця окупації, тому основним джерелом інформації про мовне регулювання був лист міністерства по окупованих східних територій від 13 січня 1942 року про основи мовної політики, що в своїх основних положеннях підтримувало тенденцію до поступової українізації населення (виключаючи українських німців). Найпомітніше коригування мовної політики сталася в сфері викладання німецької мови місцевому населенню. Потреби військової індустрії змусили економічні структури лобіювати зняття заборони на викладання німецької мови українцям, що підкріплювалося, в свою чергу, загальнополітичної лінією міністерства зі східних окупованих територій по залученню українського народу до боротьби проти більшовизму.

Ключові слова: Райхскомісаріат Україна, мовна політика, окупація.

LANGUAGE POLICY IN THE REYKMISSARIAT OF UKRAINE

Andrej V. Zinkevich (Vein, Austria)andrej.zinkevich@univie.ac.at

PhD., Associate Professor

University of Vienna, Institute of Slavic Studies

The article deals with some issues of language policy in the Reichskommissariat of Ukraine (1941-1944) in the context of competition between different concepts of the Third Reich leadership in relation to the occupied eastern territories. In this regard, along with the problem of attitude of the new authorities to the Ukrainian language, the issue of introduction of Latin script in Ukraine and teaching German to the local population is raised. The language policy implemented in the Reichskommissariat for the first time is the result of an internal struggle between the main forces of the occupation administration: the Ministry of the Eastern Occupied Territories, the Reichskommissariat Ukraine, the Wehrmacht (in its area of responsibility in Ukraine) and branches of the industrial and transport structures of the Reich working in Ukraine. The legislative basis of the language policy in Ukraine was never officially approved until the end of the occupation, so the main source of information about the language regulation was the letter of the Ministry for the Occupied Eastern Territories dated January 13, 1942 about the foundations of the language policy, which in its basic provisions supported the trend towards gradual Ukrainianization of the population (excluding Ukrainian Germans). The most noticeable correction of the language policy took place in the sphere of teaching German to the local population. The needs of the military industry forced economic structures to lobby for the elimination of the ban on teaching German to Ukrainians, which in turn was reinforced by the general policy line of the Ministry for the Eastern occupied territories to involve the Ukrainian people in the fight against Bolshevism.

Key words: Reichskommissariat Ukraine, language policy, occupation.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНА

Андрей Витальевич Зинкевич (г. Вена, Австрия)andrej.zinkevich@univie.ac.at

канд. филол. наук, доцент

Венский университет, Институт славистики

В статье рассматриваются некоторые вопросы языковой политики в Рейхскомиссариате Украина (1941–1944 гг.) в свете конкуренции разных

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зинкевич А. В. [Зинкевич А. В.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]

(Російською / На русск. яз)

концепций руководства Третьего Рейха в отношении оккупированных восточных территорий. В этой связи, наряду с проблемой отношения новых властей к украинскому языку, затрагивается вопрос введения латинского шрифта в Украине и преподавания немецкого языка для местного населения. Проводимая в Рейхскомиссариате языковая политика впервые представляется результатом внутренней борьбы основных сил оккупационной администрации: министерства по восточным оккупированным территориям, Рейхскомиссариата Украина, вермахта (в зоне своей ответственности в Украине) и филиалов промышленно-транспортных структур Рейха, работающих в Украине. Законодательная основа языковой политики в Украине так и не была официально принята до конца оккупации, поэтому основным источником информации о языковом регулировании было письмо министерства по оккупированным восточным территориям от 13 января 1942 г. об основах языковой политики, которое в своих основных положениях поддерживало тенденцию к постепенной украинизации населения (исключая украинцев немцев). Самая заметная корректировка языковой политики произошла в сфере преподавания немецкого языка местному населению. Нужды военной индустрии заставили экономические структуры лоббировать снятие запрета на преподавание немецкого языка украинцам, что подкреплялось, в свою очередь, общеполитической линией министерства по восточным оккупированным территориям по привлечению украинского народа к борьбе против большевизма.

Ключевые слова: Рейхскомиссариат Украина, языковая политика, оккупация.

Оккупационная языковая политика во время Второй мировой войны в качестве специального объекта исследования не часто попадает в центр внимания лингвистов, а обобщающих работ по этой проблематике в мировой социолингвистике, за исключением работы Шолтена [Scholten 2000] до сих пор, судя по всему, нет.¹ Украинская проблематика достойно представлена в нескольких основополагающих работах о времени оккупации в Украине, прежде всего, благодаря Косику и Ержабковой [Косик 1992 и др.; Ержабкова 2008], которые предоставляют много фактологического материала из области общей и образовательной политики оккупантов в период Второй мировой войны, не ставя языковую политику в центр внимания своих исследований.²

¹Шолтен рассматривает там только один аспект языковой политики – распространение немецкого языка в Европе в период Второй мировой войны.

²В отличие, например, от работы Антиповой по оккупационной языковой политике в Беларуси [Antipova 2018].

Объектом рассмотрения статьи является языковая политика в Украине в период немецкой оккупации 1941–1944 гг., а предметом исследования – конкуренция точек зрения на национально-культурную политику министерства по оккупированным восточным территориям, вермахта, промышленных структур и администрации Рейхскомиссариата Украина. Так как невозможно коротко описать даже отдельные составляющие языковой политики за 4 года оккупации, целью работы будет показать идеологическую подоплеку оккупационной языковой политики в Украине и основные факторы, ее определяющие. Актуальность статьи, кроме прочего, определяется необходимостью преодоления неличностного, недифференцированного подхода к изучению оккупационной политики в период Второй мировой войны, особенно свойственного научной литературе советского и частично постсоветского пространства. Статья является частью исследования языковой политики в оккупированных славянских странах Восточной и Средней Европы во время Второй мировой войны. Научная новизна исследования определяется тем, что данная работа базируется на немецко- и украиноязычных материалах (воспоминаниях, исследованиях и неопубликованных архивных документах), часть из которых не рассматривалась в научной литературе.

Борьба проукраинской и колониальной концепций

Как известно, Рейхскомиссариат Украина – территориально-административная единица в составе оккупированных территорий Третьего Рейха на востоке – был создан 1 сентября 1941 г. и просуществовал с некоторыми изменениями своих границ до 1944 г. Проводимая здесь культурно-языковая политика может быть представлена как результат борьбы разных сил в высшем руководстве Рейха и в Рейхскомиссариате Украина (РКУ). Формально политику в РКУ должно было определять министерство по восточным оккупированным территориям (т.н. ведомство Розенберга, по фамилии его руководителя), а проводить её в жизнь – администрация рейхскомиссара Эриха Коха. Эти две структуры, формально связанные отношениями «начальник – подчинённый», имели в действительности почти противоположные взгляды на политику в отношении Украины: если Альфред Розенберг, по сути, хотел создания национального пусть и вассального, но действительно украинского государства, то Эрих Кох рассматривал подчинённую ему территорию

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зінкевич А. В. [Зинкевич А. В.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]

(Російської / На русс. яз)

только как источник сырья, продуктов и рабочей силы для Германии. Исходя из этого, он выполнял только те указания министерства по восточным территориям, которые отвечали его колониальной концепции и игнорировал всё, что несло в себе хотя бы зерно будущей украинской государственности. Проводить такую политику Коху позволяли его хорошие связи в окружении Гитлера³ и личная дружба с Борманом. Отто Бройтигам⁴ приводит в своих воспоминаниях слова Коха об украинской национальной идее: „Украинцев, которые придут ко мне со своей национальной украинской идеей, я пошлю к чёрту“ [Bräutigam 1968: с. 370].

Однако полностью игнорировать украинскую национальную идею Кох всё-таки не мог из-за принятой в Третьем Рейхе стратегии разделения «советского» народа на национальные общности и противопоставление их русскому народу. Это заставляло руководство РКУ поддерживать расширение сферы украинского языка и препятствовать смещению с украинцами национальных меньшинств, живущих в Украине.

С другой стороны, имеющая давнюю историю и глубокие корни в украинском менталитете борьба за национальную идентичность внушала опасения нацистскому руководству: активное лоббирование национальной украинской идеи могло привести к вооружённой борьбе украинцев за создание своего независимого государства. И это, несомненно, хорошо понимали в самом верхнем эшелоне власти Третьего Рейха: в телеграмме из штаб-квартиры Гитлера в октябре 1941 г. так обосновывалось требование фюрера взорвать Киево-Печерскую Лавру: «...фюрер не хочет, чтобы украинское национальное чувство вновь ожило из-за использования национальных символов, исторических зданий и тому подобного...» [Bräutigam 1968: с. 432]. Боязнь Гитлером «излишней» активизации национального самосознания украинцев, что, в конце концов, привело бы к их стремлению создать полностью независимое государство, проявилось и в вопросе выбора резиденции для оккупационной гражданской администрации Украины (столицы РКУ). После передачи вермахтом Киева под гражданское руководство Розенберг поставил вопрос о перенесении резиденции гражданской администрации в историческую столицу

³Колониальные взгляды Э. Коха поддерживались и самим Гитлером, прежде всего, с точки зрения проведения политики жёсткой эксплуатации оккупированных восточных областей.

⁴Ответственный сотрудник Центрального управления ведомства Розенберга.

Украины,⁵ однако Гитлер воспрепятствовал этому, не желая поднимать национальный дух украинцев восстановлением такого важного символа национального самосознания. Тогда Бройтигам, которому поручили подобрать другую столицу Рейхскомиссариата, рассматривал Харьков и Полтаву в качестве городов-кандидатов. Харьков был им отклонён из-за его „слишком большой русифицированности“ [Bräutigam 1968: с. 367]. В конце концов, он остановился на Полтаве, мотивируя это центральным расположением города и его украинским характером.

Борьба проукраинской и колониальной концепций (соответственно, Розенберга с одной стороны и Коха, Бормана и Гитлера с другой) наблюдалась также и в вопросе образовательной политики в Украине. Первой реакцией Гитлера на разработку министерством Розенберга в 1941 г. полноценной системы образования в Украине было указание на то, что дети в Украине в самом лучшем случае должны были уметь писать, считать и читать. Эта позиция поддерживалась, естественно, и Кохом [Bräutigam 1968: с. 426]. Только после того, как Бройтигам подготовил докладную записку,⁶ в которой указывал, что отсутствие образовательной системы не позволит эффективно использовать ресурсы оккупированных стран и грозит распространением эпидемий, Розенбергу удалось убедить Гитлера разрешить среднее и частично даже высшее образование в Украине. Однако окончательный вариант указа министерства Розенберга об образовательной системе Украины был разработан только к 1944 г. и был уже к тому времени, практически, бесполезен [там же: с. 428].

Когда очевидная эксплуатация Украины и игнорирование ее культурно-языковых потребностей всё больше стала приводить к формированию враждебного отношения населения к оккупационным структурам, аппарат Розенберга предпринял ещё одну попытку повлиять на

⁵До этого администрация гражданского управления Украиной находилась в Ровно. Бройтигам [Bräutigam 1968: 367] объясняет этот выбор исключительно практичными соображениями Коха: Ровно находился как раз по дороге в Кёнигсберг, где Кох проводил много времени, иногда месяцами не появляясь в Украине. При этом Ровно, двадцать лет до этого принадлежавший Польше, по словам Бройтигама, был большей частью по своей атмосфере польским и «не давал правдивого представления об Украине и украинцах, поэтому внёс, вероятно, свою лепту в негативное отношение Коха к украинцам» [там же].

⁶Где он, по сути, из тактических соображений поставил в зависимость цели колониальной политики от уровня развития национального украинского общества, т.е. использовал аргументы Коха-Бормана-Гитлера для продвижения идей Розенберга.

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зінкевич А. В. [Zinkevich A. V.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]

(Російською / На русск. яз)

изменение украинской политики Рейха. 25 октября 1942 г. Бройтигам распространил еще одну обширную докладную записку, где писал о необходимости замены Коха и о том, что “в отношении Украины нужно проводить абсолютно позитивную с любой точки зрения политику. ...Обхождение с украинцами и другими восточными народами должно быть пристойным и человечным...”[Dallin 1958: с. 160].

Языковая политика в Украине: взгляд из Берлина

Концепция культурно-языковой политики в оккупированной Украине, созданная в министерстве по восточным территориям, была призвана кардинально усилить позиции украинского языка, прежде всего, по отношению к русскому языку. При этом планировалось постепенное вытеснение русского языка, но немецкий язык при этом не должен был широко распространиться в украинском обществе, а, скорее, ограниченно обслуживать интересы военных и промышленности. Определяющей директивой министерства Розенберга для языковой политики в РКУ следует считать письмо рейхскомиссарам и генеральному комиссару Украины от 13 января 1942 г., в котором можно выделить следующие важнейшие положения:

1. Язык немецких служб – немецкий. Если информация предназначена для широкого круга населения – немецкий и украинский. Язык украинских учреждений – украинский.

2. Русский язык наряду с украинским допустим лишь там, где большинство населения говорит по-русски (Донецкий бассейн, восточные части Украины).⁷ Введение украинского языка последует здесь постепенно, как только к этому будут необходимые предпосылки.

3. Язык школы – украинский язык. В регионах, где преобладает русский язык, украинский язык является обязательным предметом в школе. Украинизация данных регионов будет проводится через постепенное переселение сюда украинского населения и выселение русскоязычного. Немецкий язык не должен преподаваться в четырехклассных школах.

⁷ Донбасс, как и многие восточные части Украины так и не перешли никогда под управление гражданской администрации, несмотря на их отдаленность от линии фронта из-за их важного промышленного значения.

4. Вся пресса печатается на украинском языке. Исключения возможны только для русскоязычных регионов или из-за других весомых причин [НАРБ, ф. 632, д. 1, оп. 1, л. 88 и далее].

Розенберг не стал издавать формальный указ о языковой политике в Украине и предложил основные положения языковой политики, изложенные в этом письме, передать на места с просьбой отчитаться об их применении к апрелю 1942 г. Следует заметить, что копия этого письма была найдена автором в документах Генерального комиссариата Беларуси. Это можно расценивать, как свидетельство синхронизации языковой политики между РКУ и Генеральным комиссариатом Беларусь.

В начале мая 1942 г. после истечения установленного срока для отчетов о применении основных положений языковой политики, сформулированных им в начале 1942 г., Розенберг написал «Инструкцию для рейхскомиссара Украины», где особо акцентировал внимание на постепенном вытеснении русского языка украинским [Єржабкова 2008: с. 18].

Реалии украинской языковой политики: конфликт Коха и Розенберга.

Несмотря на то, что Коха невозможно назвать приверженцем украинской идеи, в области языковой политики он следовал в направлении, разработанном министерством Розенберга, по вытеснению русского языка украинским. Общий принцип «разделяй и властвуй», а конкретнее, четкое национально-языковое разделение между Россией и Украиной, Кох считал полезным для украинской колониальной концепции. Кох и Розенберг расходились в области языковой политики только в одном сегменте – в области образовательной политики. Здесь существовало две «болевы точки» в подходе восточного министерства и рейхскомиссара Коха: преподавание немецкого языка местному населению и необходимость среднего и высшего образования для украинцев (что означало, по сути, освоение ими литературного украинского языка и его развитие). Кроме сохранившихся официальных документов тех времен, вопрос конфликта восточного министерства и Коха поднимает в своих мемуарах непосредственный его участник – Отто Бройтигам, заместитель начальника политического отдела ведомства Розенберга и его единомышленник.

Так как министерство по оккупированным восточным территориям хотело отделить украинцев от русских, то видело в качестве лучшего

средства для этого, во-первых, развитие украинской образовательной системы, а вместе с этим и национального самосознания украинцев; во-вторых, дополнительным фактором дифференциации должен был стать немецкий язык: в украинских школах, по планам министерства, он изучался бы в том или ином объеме, в то время, как в русских школах этого не было предусмотрено [Bräutigam 1954: с. 75]. Цель дифференциации русских и украинцев ставили перед оккупационными структурами также Гитлер и Кох, что должно было обеспечить эффективную эксплуатацию разрозненных народов СССР; в отличие от этого, стратегической же целью Розенберга и его единомышленников было создание дружественного Германии национального украинского государства, что, по мнению последних, сулило Рейху гораздо более серьезные стратегические выгоды, чем выкачивание ресурсов из Украины.

Кох, исходя из своего видения ситуации, вопреки всем указаниям министерства, проводил собственную политику, ссылаясь (часто не без оснований) на указания Гитлера. Рейхскомиссар Украины принципиально отказывался от какой бы то ни было долговременной культурно-языковой политики на подчиненной ему территории. Некоторым исключением была, возможно, только театральная деятельность: уже при военном управлении множество театров возобновило свою работу, и когда гражданская власть унаследовала достаточно богатую театральную жизнь, то даже рейхскомиссар не осмелился ввести запрет на нее. По его распоряжению на сцене использовался исключительно украинский язык, в репертуар, кроме украинских, были приняты немецкие оперы и спектакли.⁸

В октябре 1941 г. Кох распорядился закрыть все школы выше четырехклассной. Причем, как видно из обнаруженного в берлинском архиве письма Г. Ляйббрандту⁹ от 4 ноября 1942 г., ни самого Розенберга, ни его сотрудников никто об этом не предупредил, что ясно говорит о характере отношений Коха и Розенберга: "...подтвердились слухи (*sic!*), что рейхскомиссар Кох 10 дней назад закрыл все учебные заведения выше четырехклассных школ" [BArch R 6/173:c.12–13]. Йоахим Палтцо (Joachim Paltzo), начальник отдела народного просвещения и пропаганды в

⁸Так, в это время на украинском языке была поставлена опера Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» [Bräutigam 1954: с. 76].

⁹Руководитель Главного отдела I, заместитель Розенберга.

администрации Эриха Коха, сослался на то, что сообщить в министерство о закрытии учебных заведений в Украине просто не было времени [там же]. В качестве причин такого решения назывались и необходимость послать 470 тысяч украинцев на работы в Германию, и распыление средств, и отсутствие в распоряжении школьных зданий, подходящих учителей, более актуальные нужды вермахта и т.д. Это решение Коха привело в открытому конфликту между ним и Розенбергом, в который пришлось вмешаться Гитлеру, ставшему в своем письме Розенбергу на сторону Коха: „Я прошу Вас не вмешиваться во внутреннюю работу рейхскомиссариатов“ [Bräutigam 1968: с. 612–613].

Реакция же местного населения на закрытие средних и высших учебных заведений Кохом была отражена в одном из отчетов службы безопасности в декабре 1942 г.: „Заметно хуже других слоев населения настроения в кругах русской (*sic!*) интеллигенции, прежде всего, преподавателей и студентов. ... Даже у лиц, которые были враждебно настроены к коммунизму, заметно большое недовольство. Распоряжение о том, что далее останутся работать только начальная и профшкола, будет содействовать дальнейшему ухудшению настроений в этих кругах“ [BArch R 6/181: с. 23].

С большим трудом Розенбергу удалось убедить Гитлера, что без украинских учителей, врачей, ветеринаров, аптекарей, инженеров, техников и т. д. экономике восточных оккупированных территорий не обойтись. Осенью 1942 г. в Киеве была создана первая комиссия по учебным планам и учебникам. И все равно Кох с большой неохотой пошел навстречу требованию открыть для украинской молодежи средние и высшие школы. Из-за разных трудностей и, несмотря на усиленную работу школьного отдела министерства Розенберга, указ в этой области удалось подготовить только тогда, когда отступление немецких войск из Украины было в полном разгаре. Так, образовательная политика в Украине, как отмечает Бройтигам, осталась незаконченным делом [там же].

Введение латинского шрифта в Украине: неосуществившийся план

Идея о введении латинского шрифта в оккупированной Украине и Беларуси имела как своих противников, так и последователей в немецком политическом руководстве и структурах, связанных с языковым планированием. Так, по данным Даллина [Dallin 1958: с. 482] Славянский

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зінкевич А. В. [Zinkevich A. V.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]

(Російської / На русс. яз)

институт Берлинского университета не рекомендовал вводить в Украине немецкий шрифт. Эту позицию разделял отдел языковой политики в Украине и другие подразделения министерства Розенберга [Єржабкова 2008: с. 97]. Главным же аргументом сторонников введения латинского шрифта было то, что это сделает украинцев более восприимчивыми к европейскому культурному влиянию. Мартин Борман послал распоряжение Розенбергу о введении в Украине и Беларуси т.н. шрифта антиква. Розенберг, в свою очередь, послал указание о введении нового шрифта в Рейхскомиссариат Беларусь, но, согласно Даллину, отклонил этот план для Украины [там же]. Несмотря на такую позицию рейхсминистра Розенберга, в 1943 г. были напечатаны латинским шрифтом первые украинские буквари [Bräutigam 1954: с. 76]. Вероятно, позиция Коха, который был противником «русского шрифта» в Украине и оппонентом Розенберга по многим вопросам организации жизни на оккупированных территориях, оказалась здесь решающим фактором. В будущем предполагалось перевести всю систему книгоиздания и прессу на латинский шрифт [Єржабкова 2008: с. 97].

Вопросом украинской и белорусской письменности занимался и лично заместитель рейхсминистра А. Розенберга Альфред Мейер. 23 ноября 1942 г. он написал письмо рейхскомиссару Украины с информацией о предполагаемой замене кириллического шрифта латинским в сфере образования и просьбой „предоставить предложения по нормальному (латинскому) украинскому алфавиту для рукописной и печатной формы“ [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 103]. Вне системы образования предлагалось вводить латинский шрифт поэтапно.

Но, еще менее, чем в Беларуси, в которой в начале двадцатого века все-таки был опыт использования белорусской латиницы, в Украине латинский шрифт не прижился и, практически, не использовался.

Немецкий язык в Украине: между нужно и нельзя.

Так же, как и в вопросе о введении латинского шрифта в Украине, по поводу преподавания немецкого языка для местных жителей существовало две конкурирующих точки зрения: с одной стороны, распространение немецкого языка среди большого числа местного населения создавало опасность его онемечивания, что противоречило национал-

социалистическому принципу несмещения рас;¹⁰ с другой стороны, практические потребности экономики срочно требовали работников и особенно служащих, знающих немецкий язык. Прямой конфликт этих точек зрения проявился между немецкими военными, которые в зоне ответственности вермахта сразу ввели изучение немецкого языка в школах, и гражданскими оккупационными властями Украины, придерживающихся поступившего из Берлина запрета на преподавание немецкого языка местному населению.

Восточные украинские территории до конца войны оставались под руководством немецкой военной администрации, т.е. тыловые службы вермахта выполняли здесь функцию налаживания контактов и взаимодействия с мирным населением, организации промышленного и сельскохозяйственного производства, восстановления образовательной системы. Военное командование устраивало повседневную жизнь в тыловой зоне по своему усмотрению, руководствуясь здравым смыслом и повседневными потребностями сосуществования с местным населением. Коренное изменение учебных планов, изменение языковой ситуации, запрет на преподавание немецкого языка местному населению из идеологических соображений, запрет среднего и высшего образования и подобные инициативы руководства Рейха критиковались представителями вермахта на местах. С точки зрения военных преподавание немецкого языка местному населению облегчило бы коммуникацию и общее взаимопонимание в занятых районах. Результатом этой позиции стало широкое преподавание немецкого языка в школах районов, находившихся в зоне ответственности вермахта – четыре часа в неделю в третьем и четвертом классах [Scholten 2000: с. 330–331]. Таким образом, уже в первые месяцы войны были заложены основы разных подходов двух оккупационных властей, гражданских и военных, к языковой и образовательной политике.

Такое “идеологически неправильное” своеволие военных не осталось незамеченным. Одним из первых о расхождении языковой политики вермахта на оккупированных территориях и политической линией

¹⁰Гитлер говорил: «...будет абсолютно достаточно, если ненемецкое население, например, украинцы, немного смогут читать и писать по-немецки ... чтобы обеспечить языковые предпосылки для нашего руководства. Иначе любой местный мог бы не выполнять немецких указаний, объясняя это тем, что он его не понял» [Scholten 2000: с. 294].

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зінкевич А. В. [Zinkevich A. V.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]

(Російської / На русс. яз)

национал-социалистического руководства сообщил в Берлин ответственный за образование в Рейхскомиссариате Украина Йоахим Пальтцо, упоминавшийся уже выше. Он написал 9 ноября 1942 г. письмо министру А. Розенбергу о том, что несмотря на распоряжение центрального руководства Рейха о недопустимости преподавания немецкого языка и ограничения школьной программы только родным языком, „в районах, находящихся под управлением вермахта, в школах изучается немецкий язык и распространяются немецкие учебники. Этот подход не согласуется с политической линией... Согласно ей украинцы должны ограничиваться изучением только своего родного языка, а исключения возможны только в отдельных случаях“ [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 147]. Администрация РКУ просила обязать ответственные ведомства армии придерживаться соответствующей политической линии в этом вопросе.

Скорее всего, Коху в вопросе образования и преподавания немецкого языка со стороны вермахта противостоял Карл фон Рокес, который с начала оккупации командовал тылом группы армий Юг, и тем самым, помимо прочего, определял школьную политику в восточной Украине. Известна его докладная записка, написанная в октябре 1942 г., которая ясно представляет позицию фон Рокеса в вопросе образования в оккупированных районах: „...нет ничего гибельнее, чем продолжение проводимой в восточных регионах школьной политики. Нельзя обещать народу свободу, призывать к активной борьбе против большевизма и одновременно снижать его образовательный уровень более, чем в любой колонии. Важнейшие цели в России никогда не будут достигнуты, если мы не дадим народу никакой возможности выучиться хотя бы до служащего или ремесленника, не говоря уже о врачах, учителях, чиновниках, без которых мы не сможем обойтись при любых условиях. Всякая немецкая пропаганда против разрушительного для культуры большевизма будет выглядеть лживой и безрезультатной, если расположенная к Германии и жаждущая знаний молодежь почувствует, что мы ей отказали в том, в чем ей большевизм, со своим хорошо развитым образованием, никогда не отказывал“ [Hasenclever 2010: с. 270].¹¹

¹¹Результатом этой записки стало то, что в районе действия группы армий А (на Кавказе), где позже служил К. фон Рокес, было разрешены все типы образования, вплоть до высшего [там же].

По материалам этого письма 25 ноября 1942 г. руководитель отдела «Наука и культура» «восточного» министерства О. Кинцлен составил служебную записку, адресованную главе политического отдела Г. Ляйббрандту, одному из ключевых «игроков» в вопросе разработки языковой политики для оккупированных территорий [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 148, 148 и далее]. Этот документ написан в условиях конфронтации Розенберга с комиссаром Украины Кохом, которая еще более обострилась в связи распоряжением последнего закрыть все образовательные учреждения для молодежи старше 15 лет, что означало прекращение всего профессионального образования в Украине. Это, в свою очередь, обострило проблему занятий по немецкому языку, которые сохранялись в весьма скромных объемах только на уровне профессионального образования. На основании информации о преподавании немецкого языка в зоне ответственности военных, а также в свете решения Коха о ликвидации среднего и высшего образования, Кинцлен предлагает Ляйббрандту разработать указ об изучении немецкого языка местным населением. Он перечисляет основные положения предполагаемого указа, которые, по сути, являются компромиссом между жесткой идеологической максимой „немецкий язык только для арийцев“ и назревшей к концу 1942 г. необходимостью вовлечения квалифицированной рабочей силы с востока в экономику, в том числе и со знанием немецкого языка. Указ об основах местного школьного образования, который предполагалось включить в закон об образовании, должен был, по версии О. Кинцлена, включать в себя следующие положения:

1. Изучать немецкий язык в начальной школе не разрешается.
2. В профобразовании напротив необходимо ввести изучение немецкого языка для ключевых профессий, но только в таком объеме, который удовлетворяет профессиональные практические потребности.
3. Занятия по немецкому языку должны обращаться к немецкой культуре и литературе[там же].

Тем самым был выработан компромисс, когда широкие массы в Украине не изучали бы немецкий язык, что соответствовало бы политической линии национал-социализма, в то время как соответствующие специалисты, особенно те, которые тесно общаются с оккупационной

администрацией, в своей профессиональной области могли бы выразиться по-немецки.

Судя по всему, это одно из первых, если не первое предложение из уст высокопоставленных чиновников министерства Розенберга пересмотреть идеологическую установку о запрете изучения немецкого языка местным населением Украины, пусть и в достаточно компромиссной форме.

Военные отстаивали свою позицию по преподаванию немецкого языка не только на местах, но и в Рейхе. Так, на декабрьской конференции¹² в Берлине в 1942 г. представители вермахта, протестуя против политики гражданских властей, назвали закрытие школ и запрет на изучение немецкого языка подходами, которые вызывают безграничное разочарование населения [Сржабкова 2008, 82].

То, что в конце 1942 – начале 1943 гг. оккупационным властям стала очевидной недалёковидность и невыполнимость в полном объёме запрета на изучение немецкого языка местным населением, что подтверждает документ от 22 января 1943 г. за подписью Б. Кляйста.¹³ Здесь позиция по отношению к системе образования на занятых территориях и к преподаванию немецкого языка, в частности, коренным образом отличается от идеологических установок первого периода войны на востоке: «... было бы совершенно неправильным ограничить обучение населения занятых восточных областей, которое нам необходимо в качестве помощников в восстановлении экономики и соратников по борьбе, только примитивным начальным образованием.... Сюда же относится и то, что во многих школах должен изучаться немецкий язык, потому что только таким образом мы сможем приобщить население к нашим идеям созидания» [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 219 и далее].¹⁴

¹² Об этой конференции упоминает и А. Даллин в своей работе [Dallin 1958, 163–164]. Именно тут представители армии высказались за сотрудничество с мирным населением, что полностью совпадало с позицией министерства Розенберга. Гитлер затем в жёсткой форме пресёк попытки Вермахта и Розенберга официально изменить оккупационную политику.

¹³ Bruno Peter Kleist – руководитель одного из подразделений министерства Розенберга, его заместитель.

¹⁴ То, что эта служебная записка – реакция на отчет по командировке в группу армий Центр, воевавшей, в основном, в Прибалтике и вокруг Ленинграда, не играет в данном случае никакой роли, т.к. речь в записке идет, несомненно, о территории Беларуси и Украины. В прибалтийских республиках преподавание немецкого языка, как известно, и так было разрешено и даже поощрялось.

По сути, этот документ, тем более из-под пера чиновника высокого ранга, представляет собой переосмысление позиции по образованию для местного населения по сравнению с началом вторжения в СССР. И это, несомненно, не частное мнение одного служащего, пусть и приверженца «гибкого» подхода в отношении политики на восточных оккупированных территориях [Müller 1991, 71]. Те, кто представляет настроения в высших эшелонах Третьего Рейха в отношении восточных оккупированных территорий в это время, сразу связали бы данное письмо с целым рядом действий оккупационных властей, направленных на привлечение на свою сторону местного населения. Это и т. н. «новая аграрная политика», расширение местного самоуправления, выпуск газет на национальных языках, переход к толерантной религиозной политике, первые подвижки в организации высшего образования, поддержка национальных организаций т. д. Целый ряд фактов подтверждает то, что в этот период вырабатывалась новая оккупационная (в том числе и языковая) политика в Украине и на других оккупированных территориях [Müller 1991, 72–73].

Важно отметить, что наряду с военной администрацией, изучение местными жителями немецкого языка активно лоббировали экономические структуры оккупационных властей. В Украине уже в 1942 г. появились служебные циркуляры, где организации поощряли (или даже обязывали) своих сотрудников к изучению немецкого языка из профессиональных соображений. Так, украинский филиал Транспортной дирекции Рейха направил в декабре 1943 г. рейхскомиссару Коху письмо об изучении украинскими служащими немецкого языка, в котором констатировал провал запрета на изучение немецкого языка в РКУ: «Через два года после указаний о нежелательности преподавания местным детям и молодежи бывших советских республик немецкого языка стала понятна их практическая иллюзорность, прежде всего, по политическим и экономическим причинам» [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, лист 118 и далее].

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что проводимая национально-языковая политика в РКУ определялась следующими реалиями оккупационной политики: 1. Основополагающие принципы языковой политики в РКУ были заложены письмом министерства по оккупированным восточным территориям от 13 января 1942 г. об основах языковой политики. 2. Согласно идеологической установке национал-

социализма на дифференциацию народов Советского Союза, в Украине основной линией национально-языковой политики была поддержка национального самосознания и украинского языка. 3. В отношении Украины такая политика несколько сдерживалась опасением разбудить национально-освободительное движение в стране и проявлялась в блокировании некоторых культурно-языковых инициатив украинских национальных сил. 4. Национально-языковая политика в РКУ зависела от конфликта министра по восточным территориям А. Розенберга и рейхскомиссара Украины Э. Коха и характеризовалась независимостью политики администрации РКУ от указаний рейхсминистра. Это тем более важно, что оба были сторонниками противоположных путей развития Украины: соответственно, проукраинского и колониального. 5. По языковому вопросу нередко противодействовали друг другу, с одной стороны, экономические структуры и военные, с другой, администрация Э. Коха (со своим лобби в Берлине) и, с третьей, рейхсминистерство по восточным оккупированным территориям. Прежде всего, это проявилось в вопросе преподавания немецкого языка местному населению. 6. Самыми значимыми тенденциями в оккупационной языковой политике РКУ в 1941–1944 гг. было постепенное вытеснение русского языка украинским, попытка введения украинского латинского шрифта и смена курса с запрета преподавания немецкого языка местному населению к вынужденному расширению обучения немецкому языку.

Литература:

1. Єржабкова, Б. *Шкільна справа та шкільна політика в рейхскомісаріаті "Україна" (1941–1944) у світлі німецьких документів* (Київ, Наукова думка, 2008), 272.
2. Косик, В. *Україна під час Другої світової війни 1938–1945*, пер. з фр. Р. Осадчук (Київ [та ін.], УККА, 1992), 725.
3. Antipova, A. *Die nationalsozialistische Sprachpolitik im besetzten Weißrussland 1941–1944* (Berlin, Peter Lang, 2018), 372.
4. Bräutigam, O. *Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges* (Tübingen, Institut für Besatzungsfragen, 1954), 97.
5. Bräutigam, O. *So hat es sich zugetragen ein Leben als Soldat und Diplomat* (Würzburg, Holzner, 1968), 723.
6. Dallin, A. *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik* (Düsseldorf, Droste, 1958), 727.

7. Hasenclever, J. *Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941–1943* (Wien [u.a.], Schöningh, 2010), 613.
8. Müller, N. *Die faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion (1941–1944)* (Berlin, Dt. Verl. d. Wiss., 1991), 660.
9. Scholten, D. *Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands* (Frankfurt am Main [u.a.], Lang, 2000), 445.

Архивные источники:

10. **НАРБ** – Национальный архив Республики Беларусь.
11. **BArch** – Берлинский бундесархив Лихтерфельде – Bundesarchiv (Berlin-Lichterfelde).

References:

1. Jerzhabkova, B. *Shkil'na sprava ta shkil'na polityka v rejhskomisariati "Ukrai'na" (1941–1944) u svitli nimec'kyh dokumentiv* [School work and school politics in Reichskommissariat of Ukraine (1941–1944) in light of German documents] (Kyiv, Naukovadumka, 2008), 272 (In Ukr.).
2. Kosyk, V. *Ukrai'na pid chas Drugoi' svitovoi' viny 1938-1945*, per. z fr. R. Osadchuk [Ukraine during World War II 1938–1945] (Kyiv [ta in.], UKKA, 1992), 725 (In Ukr.).
3. Antipova, A. *Die nationalsozialistische Sprachpolitik im besetzten Weißrussland 1941–1944* (Berlin, Peter Lang, 2018), 372.
4. Bräutigam, O. *Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges* (Tübingen, Institut für Besatzungsfragen, 1954), 97.
5. Bräutigam, O. *So hat es sich zugetragen: ein Leben als Soldat und Diplomat* (Würzburg, Holzner, 1968), 723.
6. Dallin, A. *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik* (Düsseldorf, Droste, 1958), 727.
7. Hasenclever, J. *Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941–1943* (Wien [u.a.], Schöningh, 2010), 613.
8. Müller, N. *Die faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion (1941–1944)* (Berlin, Dt. Verl. d. Wiss., 1991), 660.
9. Scholten, D. *Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands* (Frankfurt am Main [u.a.], Lang, 2000), 445.
10. **NARB** – *Nacional'nyj arhiv Respublik Belarus'* [State Archive of Belarus].
11. **BArch** – *Berlinskij bundesarhiv Lihterfel'de* [Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde].

Актуальні проблеми мовознавства [Актуальные проблемы языкознания]

© Зінкевич А. В. [Зинкевич А. В.], andrej.zinkevich@univie.ac.at

Мовна політика рейхскомісаріату Україна [Языковая политика в рейхскомиссариате Украина]
(Російської / На русс. яз)